

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КАК ГЕНЕРАТОР ПОРОЖДЕНИЯ ХРОНОТОПИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Виктория КАРПУХИНА,

кандидат филологических наук, доцент

(Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия)

Abstract

The article examines from a cognitive and axiological perspective the temporal and special frame employed in B. Akunin's work.

Keywords: *time, space, cognitiv and axiologic perspective.*

Rezumat

În articol, este supus cercetării, din perspectivă cognitivă-axiologică, conturul temporal-spațial al creației lui B. Akunin.

Cuvinte-cheie: *timp, spațiu, perspectivă cognitivă-axiologică.*

В статье рассматривается проблема функционирования разных моделей времени и пространства в романах Б. Акунина с когнитивно-аксиологической точки зрения. Данные модели реконструируются в процессе выявления в текстах Акунина интертекстуальных элементов, отсылающих к прецедентным текстам французской, английской и русской литературы.

Актуальность изучения интертекста в последнее время¹ связана с тем, что сама информационная реальность, окружающая человека, сейчас воспринимается как интертекст. Область интертекста становится в настоящее время не только областью анализа конкретных текстов, но и привлекает внимание исследователей-теоретиков. Можно выделить несколько подходов к изучению интертекста. В одной парадигме подходов интертекст рассматривается как самостоятельно существующий и развивающийся феномен: «Интертекст – это объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно самогенерировать по стреле времени»². В данном случае характеристики интертекста определяются тем, что исследователь изучает его в рамках синергетической парадигмы. Однако интертекст может рассматриваться и как определенного рода конструкт, как «явление скрещивания, контаминации текстов двух или более авторов (а также не имеющих личного автора)»³. На первый план в этом случае выступает фигура субъекта в двух его ипостасях: субъект,

¹см. работы Степанов, 2001; Гаспаров, 2002; Кузьмина, 2004 и др.

²Кузьмина, 2004, с. 6.

³Степанов, 2001, с. 3.

конструирующий интертекст (автор), и субъект, реконструирующий интертекст (интерпретатор). Понятие интертекста антропоцентрично, хотя в качестве объекта исследования интертекстуальной ситуации могут выступать как субъекты, так и тексты, участвующие в этой ситуации. В соответствии с современной тенденцией к интерпретационизму, фигура интерпретатора занимает равную (если не более приоритетную) позицию по сравнению с позицией автора в интертекстуальной ситуации. В данной ситуации «адресат и адресант обмениваются позициями. Идеальный читатель оказывается отождествленным с отправителем информации»⁴. Но построение интертекста связано с критериями адекватности интерпретации. Языковые сигналы, позволяющие определить направление интерпретации в интертексте, позволяют интерпретатору реконструировать определенную часть заложенных в тексте смыслов⁵.

Хронотопические характеристики двух романов Б. Акунина – «Детская книга» и «Сокол и ласточка» – задаются аудитории еще до соприкосновения с текстами романов за счет оформления обложки. «Детская книга» (как в свое время «Алтын-толобас» и «Внеклассное чтение») совмещает на обложке второго издания фигуры и детали разновременных эпох, «Сокол и ласточка» напоминает дизайном обложки «зачитанный до дыр» хороший приключенческий роман. Подобный дизайнерский шаг обусловлен, с одной стороны, требованием стилизации текстов масс-культуры под детскую или инфантилизированную взрослую аудиторию, а с другой стороны, структурой акунинских романов, в которых зачастую главы, соотносящиеся с современностью, чередуются с главами «историческими».

История интересует Акунина не в варианте «линейного» представления чередующихся событий, а в варианте определенного топоса, конструирующегося/реконструирующегося при временных изменениях. В более ранних романах Акунина единство топоса создается за счет «персонажа-наследника» (например, Николас Фандорин, проезжающий по «местам боевой славы» Корнелиуса фон Дорна). То же происходит и в романе «Сокол и ласточка»: Николас попадает в область «законсервированного» времени недалеко от места обитания своих дальних родственников – «тифельцев». «Магистру кружил голову запах, исходящий от второй пещеры. Вероятно, у этого явления имелись вполне объяснимые причины: сюда, в глубь горы,

⁴Смирнов, 1995, с. 190.

⁵о стратегиях интерпретации текста см. подробнее в Карпухина, 2010; Карпухина, 2011.

много лет не проникали свежий воздух и влага. Но главное в другом. Здесь *остановилось время*»⁶.

В романе «Детская книга» единство топоса усиливается за счет персонального дейксиса: в «разновременных» главах романа действует один и тот же персонаж, Эраст Фандорин-младший (Ластик), проникающий в иные времена через некие «хронодыры». Как объясняет юному персонажу таинственный профессор Ван Дорн, «**Chronohole**», или «хронодыра», – ...это такой лаз, по которому можно попасть в другое время»⁷. В данном случае происходит популяризация физического и синергетического термина. Б. Акунин со свойственной ему переводческой иронией реконструирует достаточно активно использующийся в последнее время физический и синергетический термин **wormholes** (в русской традиции – ‘кrotовые норы/кrotовины’), обозначающий гипотетические туннели, в которые меняются свойствами пространство и время.

В предисловии к одноименному сборнику своих эссе Джон Фаулз использует этот термин в смысле, в котором он употребляется в современной физике: «Оксфордский энциклопедический словарь толкует его так: «Гипотетические взаимосвязи между далеко отстоящими друг от друга областями пространства-времени». Название показалось мне весьма подходящим, хотя бы метафорически, поскольку весьма сложное пространство-время, в котором я существую, пусть и очень далекое от современной физики, есть пространство-время моего собственного воображения»⁸. Подобный термин оказывается понятным для акунинских персонажей в так называемой «пре-когниции»⁹, т.е. в ситуации незнакомства с феноменом.

Термин **chronoholes** Б. Акунин использует в ситуациях попыток целенаправленного исправления «неудачной ветви» истории, зачастую представленных в ироническом ключе (ср. «реконструкцию» истории Григория Отрепьева как случайно попавшего в хронодыру советского пятиклассника Юрки Отрепьева из Киева¹⁰). Но целенаправленность попадания нужного персонажа в нужную эпоху, видимо, не дает возможности исправить определенное ответвление истории. Однако именно она отличает тексты Дж. Фаулза и Б. Акунина от текстов большинства писателей-фантастов. Типично британская склонность к восприятию Времени как преемственности сочетается в текстах «Волхва» Дж. Фаулза и «Детской книги» Акунина с типично японским

⁶Акунин, 2009, с. 592.

⁷Акунин, 2007a, с. 65.

⁸Фаулз, 2002, с. 7.

⁹Кубрякова, 2004, с. 83.

¹⁰Акунин, 2007b, с. 72-86.

пониманием Времени как переменчивости¹¹. Возможно, именно этим и объясняются многие когнитивные характеристики хромотопических моделей, использующихся в романах «Сокол и ласточка» и «Детская книга».

Традиционное различие линейной и циклической временных моделей базируется на присутствии/отсутствии человека как точки отчета в модели времени. «С древнейших времен в сознании человека сосуществуют два представления о времени – время как последовательность однотипных событий, жизненных кругов (циклическое) и время как однонаправленное поступательное движение (линейное). Циклическое представление о времени отличает архаические цивилизации, развитие же представлений о линейном движении времени в первую очередь связано с формированием исторического сознания»¹². Исследователи склонны соотносить момент появления представлений о линейности времени к периоду зарождения христианского сознания¹³.

«Циклическость» восприятия времени ориентирована на поиск типических ситуаций, «линейность» связана с восприятием времени в ключе индивидуального сознания, то есть с включением в систему пространственно-временных координат еще одной координаты – субъекта. Возможно, именно поэтому рассказчик «исторической» части романа «Сокол и ласточка», попугай Андоку, живя в пределах вневременного, циклического пространства (чудесный японский остров-кофун, где «не было времени. Оно не двигалось»¹⁴), не ощущал себя «очеловеченным». И лишь после ухода в саркофаг Учителя, покинув пределы заколдованного острова и переместившись в мир нециклического, линейного времени, Андоку начинает чувствовать себя иначе: «Он и меня сделал человеком – во всем, кроме обличья. Ибо мы – то, чем мы себя ощущаем, а не то, как мы выглядим со стороны, не правда ли?»¹⁵.

С помощью *хронодыр* или определенного стечения обстоятельств «межвременные» путешественники Андоку и Ластик совершают прорыв от бытового времени («времени частного человеческого существования, которое поддается счету, измерению, локализуется на «оси» отдельной человеческой жизни, планируется, ожидается, помнится и переживается»¹⁶) к времени надбытовому,

¹¹ср.: Овчинников, 2008, с. 436.

¹²Яковлева, 1994, с. 97.

¹³Яковлева, 1994, с. 98; Арутюнова, 1997, с. 59; Рябцева, 1997.

¹⁴Акунин, 2009, с. 100.

¹⁵Акунин, 2009, с. 104.

¹⁶Яковлева, 1994, с. 138.

«подразумевающему исключительность описываемого. События этого времени выведены из круга повседневности, они ...уникальны, незабываемы, особо значимы (соотносятся с духовной сферой человека)»¹⁷. Андоку, кроме того, как рассказчик-философ наделяется способностью воспринимать так называемое аналитическое время – «время стечения обстоятельств и сплетения событий самой разной природы и масштаба. Этому времени соответствуют оценки «рациональные», «внеположенные» (взгляд со стороны на предмет описания)»¹⁸.

Изменение скорости переживаемых «мгновений» позволяет Акунину устами профессора Ван Дорна в «Детской книге» выдвинуть гипотезу о том, что время в настоящем и прошлом движутся с разной скоростью: «...Судя по вашим часам, экскурсия в 1914 год продолжалась триста восемьдесят шесть секунд. ...У меня прошло... Всего одна целая пятьдесят шесть тысячных секунды»¹⁹. Последующие рассуждения Ван Дорна по поводу коэффициента различия скоростей движения («Примерно 365,25. Хм, это количество оборотов, которые Земля совершает вокруг собственной оси в течение года») являются отсылкой к разнообразным временным моделям, обыгрываемым в «Маленьком принце» Антуана де Сент-Экзюпери²⁰. На пятой планете, которую посетил Маленький принц, фонарщик вынужден был зажигать и гасить свой фонарь каждую минуту – ровно столько длился день на его планете, которая за минуту делала полный оборот²¹. Важность переживаемого мгновения усиливается в данном случае еще и тем, что Маленький принц «не смел себе признаться в том, что больше всего жалеет об этой чудесной планетке еще по одной причине: за 24 часа на ней можно любоваться закатом 1440 раз!»²². Отсылки к тексту Экзюпери встречаются в «Детской книге» дважды, маркируя переломные моменты «исторического» путешествия Ластика в Смутное время: в рассказе алхимика Келли об одном из владельцев алмаза, погибшего, когда его ужалила гадюка²³, и перед попыткой Келли раскалить алмаз: «Ты ведь не будешь больше упрямиться, как раньше, мой маленький принц? – насмешливо посмотрел он (Келли. – В.К.) на Ластика»²⁴.

¹⁷Яковлева, 1994, с. 138.

¹⁸Яковлева, 1994, с. 139.

¹⁹Акунин, 2007а, с. 92.

²⁰см. о возможностях интертекстуальных хронологических отсылок в современной литературе Draine, 1991; Карпухина, 2010; Карпухина, 2011.

²¹Экзюпери, 1978, с. 44.

²²Экзюпери, 1978, с. 46.

²³Акунин, 2007b, с. 169.

²⁴Акунин, 2007b, с. 226.

Подобные интертекстуальные элементы в тексте романа Акунина задают такую когнитивную характеристику хронотопа текста, как преємственность по отношению к хронотопическим моделям текстов европейской литературы.

Возможно, опосредованным звеном соотнесения текстов Акунина и Сент-Экзюпери является еще одна маркированная с точки зрения «особого мгновения» сцена: прощание Ластика и Соломки (княжны Соломоны Власьевны) весьма напоминает прощание Маленького принца и его капризной розы, которая признается ему в любви. «Тихая нежность», окрашивающая оба эти прощания, имя княжны – как, впрочем, и само название акунинского романа, – дают ключ к еще одному источнику используемых в «Детской книге» и «Соколе и ласточке» временных моделей.

В текстах Осипа Мандельштама концепт «Время» и разнообразные варианты его воплощения составляют достаточно важную часть того, что называют термином «художественный мир»²⁵. Возможно, временная составляющая мандельштамовской художественной картины мира необходима Акунину для того, чтобы подчеркнуть субъективный, антропоцентрический компонент временных моделей своих текстов.

«Фактор времени играет важнейшую роль в создании модели человека, а фактор человека – в моделировании времени. Ведь именно человек находится в точке присутствия, которая условно членит время на составляющие. Войдя в модель времени, человек внес в нее два сложных и противоречивых компонента: точку, движение, а вместе с движением и направление движения. Точка присутствия становится одновременно точкой зрения»²⁶. Пытаясь зафиксировать себя в качестве стороннего наблюдателя, лирический герой текстов Мандельштама, к которым отсылает текст «Детской книги», тем не менее вынужден стать участником событий: его *reference time* (аналитическое время) превращается в *event time* (время событий)²⁷. Подобное происходит в стихотворениях «Только детские книги читать...», «Соломинка», возможно, в связанном по теме с романом стихотворении «На розвальнях, уложенных соломой...». Однако восприятие Времени как потока, причем потока неоднаправленного, наиболее отчетливо в мандельштамовском «Шуме времени» и стихотворении «За то, что я руки твои не сумел удержать...». М.Л. Гаспаров пишет о создании в данном тексте «необычного впечатления обратной временной перспективы, от более позднего к более

²⁵Гаспаров, 1995, с. 212.

²⁶Арутюнова, 1997, с. 52-53.

²⁷термины Г. Рейхенбаха цит по Апресян, 1995, с. 632.

раннему»²⁸. Лирический герой становится не статической точкой отсчета, его захватывает движение Времени как потока (ср.: «Я помню хорошо глухие годы России – девяностые годы, их медленное оползание, их болезненное спокойствие, их глубокий провинциализм – тихую заводь»²⁹ – и «вещий» сон Ластика о течении времени над собственным скелетом, «как при перемотке видео пленки»³⁰). В обоих случаях Время из Потока превращается в Агрессора, разрушителя³¹. Однако это свойство лишь движущегося Времени.

В рассматриваемом романе реализуется составляющая концепта ВРЕМЯ, которая соотносится именно с детской литературой, так называемое «**future-in-the-present**», где «**a number of events which must obviously have occupied different pockets of time are expressed in the same space**»³². Акунинский футурологический прогноз в «Детской книге» представляет собой нечто существенно отличающееся от эпохи модели КВД (Когда Время Двигалось)³³. Время эпохи «Завтра» завершает кольцевую композицию двух акунинских романов и едва не оставляет Ластика в такой же области безвременья, с которой начинается творческая биография попугая Андоку. Иронический проект нелицеприятно будущего имеет, как и положено прогнозу, и своего авторитетного субъекта речевой деятельности, и верификатора³⁴. В качестве авторитетного эксперта выступает футурологическое существо среднего рода, «собранное» из профессора Магды Дженкинс, микробиолога, и доктора Итиро Ямады, специалиста по электронике³⁵. Верификатором, так и не оценившим техногенную цивилизацию, оказывается Ластик, попавший через *хронодыру* в Москву «в никаком году». Блаженным островом без календаря становится вся планета Земля, и Время из персонализированной, движущейся субстанции превращается в деперсонализированную Вечность.

Разные хронотопические модели, реконструирующиеся при интерпретации романов Б. Акунина (ключевой из них является модель «*кратовины*» (**wormhole**)), могут быть выстроены при выявлении интертекстуальных отсылок к текстам А. де Сент-Экзюпери, Дж. Фаулза, О. Манделъштама. Оцениваемые с когнитивной точки зрения, эти модели позволяют выявить преемственность по отношению к

²⁸Гаспаров, 1995, с. 216.

²⁹Манделъштам, 1999, с. 9.

³⁰Акунин, 2007b, с. 43-44.

³¹о метафорах времени см. Плунгян, 1997, с. 191; Арутюнова, 1997, с. 53.

³²Johnston, 2006, p. 58-59.

³³Акунин, 2007b, с. 283.

³⁴Циммерлинг, 1997, с. 341.

³⁵Акунин, 2007b, с. 293.

временным моделям текстов европейской и русской литературы, ироническое соизмерение разных пространственно-временных моделей с точки зрения персонажей-наблюдателей, а также возможность соединения и обмена позициями характеристик пространства и времени в постмодернистском художественном тексте.

Литература

DRAINE, B. *Chronotope and Intertext* // *Influence and Intertextuality in Literary History*/ed. by J. Clayton and E. Rothstein. Madison: The University of Wisconsin Press, 1991 [=Draine, 1991].

JOHNSTON, R.R. *Childhood. A Narrative Chronotope* // *Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies*/Ed. by P. Hunt. Vol. 3: Cultural Contexts. London, New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2006 [=Johnston, 2006].

АКУНИН, Б. *Детская книга*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС; ОЛМА Медиа Групп, 2007. Т. 1 [=Акунин, 2007a].

АКУНИН, Б. *Детская книга*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС; ОЛМА Медиа Групп, 2007b. Т. 2 [=Акунин, 2007b].

АКУНИН, Б. *Сокол и Ласточка*. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2009 [=Акунин, 2009].

АПРЕСЯН, Ю.Д. *Избранные труды в 2-х тт.* Москва: Языки русской культуры, 1995. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография [=Апресян, 1995].

АРУТЮНОВА, Н.Д. *Время: модели и метафоры* // *Логический анализ языка: язык и время*. Москва: Индрик, 1997 [=Арутюнова, 1997].

ГАСПАРОВ, М.Л. *Избранные статьи*. Москва: Новое литературное обозрение, 1995 [=Гаспаров, 1995].

ГАСПАРОВ, М.Л. *Литературный интертекст и языковой интертекст* // *ИАН. СЛЯ*, 2001. Т. 61. № 4 [=Гаспаров, 2001].

КАРПУХИНА, В.Н. *Аксиологические стратегии интерсемиотического перевода текстов художественной литературы в ситуации межкультурной коммуникации* // *Известия АлтГУ*, 2011. № 2/1(70) [=Карпухина, 2011].

КАРПУХИНА, В.Н. *Способы интерпретации художественного текста при его переводе в разные семиосферы: [учебно-методическое пособие]*. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010 [=Карпухина, 2010].

КУБРЯКОВА, Е.С. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Языки славянской культуры, 2004 [=Кубрякова, 2004].

КУЗЬМИНА, Н.А. *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*. Москва: Едиториал УРСС, 2004 [=Кузьмина, 2004].

МАНДЕЛЬШТАМ, О. *Шум времени*. СПб.: Азбука, 1999 [=Мандельштам, 1999].

МИРОНОВ, В.В. *Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии* // Вопросы философии, 2006. № 2 [=Мионов, 2006].

ОВЧИННИКОВ, В. *Сакура и дуб*. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2008 [=Овчинников, 2008].

РЯБЦЕВА, Н.К. *Аксиологические модели времени* // Логический анализ языка: язык и время. Москва: Индрик, 1997 [=Рябцева, 1997].

СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ, А де. *Маленький принц*. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1978 [=Сент-Экзюпери, 1978].

СМИРНОВ, И.П. *Порождение интертекста*. СПб.: СПбГУ, 1995 [=Смирнов, 1995].

СТЕПАНОВ, Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии) // ИАН. СЛЯ, 2001. Т. 60. № 1 [=Степанов, 2001].

СТЕПАНОВ, Ю.С. *Имена, предикаты, предложения: Семантическая грамматика*. Москва: Просвещение, 1981 [=Степанов, 1981].

ФАУЛЗ, Дж. *Кротовые норы*. Москва: Махаон, 2002 [=Фаулз, 2002].

ЦИММЕРЛИНГ, А.В. *Логика прогноза* // Логический анализ языка: язык и время. Москва: Индрик, 1997 [=Циммерлинг, 1997].

ЯКОВЛЕВА, Е.С. *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*. Москва: Гнозис, 1994 [=Яковлева, 1994].